зы. Л., 1988; Приговор: Заметки писателя. СПб., 1997; Открытый ринг: роман. СПб., 2000; От земли до неба. СПб., 2003. Публицистика: Роман «Заблуждение»: Взгляд в будущее // Лит. Россия. 1994. № 42; Сберечь язык — сберечь народ // Санкт-Петербургские ведомости. 1995. 14 июня; Святое поколение войны // Лит. Петербург. 1999. № 1; Межняки в литературе и жизни // Лит. Петербург. 2001. № 2; Мальчишка с того перекрестка: Повести, рассказы, эссе. Минск, 2005; Война была долгой: повести. СПб., 2005; До выстрела: документально-художественный роман. СПб., 2005.

Лит.: Филюшкина С. Современный студент, каков он? // Лит. газ. 1977. № 25; *Ермолин Е.* Время действия — сегодня // Детская лит-ра. 1987. № 12. С. 16–17; *Смирнов-Охтин И.* Былое бездумье // Нева. 1997. № 9. С. 69–77; *Горышин Г.* Есть ли на литературной карте Петербург? // Аврора. 1998. № 3–6. С. 15–19; *Кречетов В.* Как мало мы знаем друг друга: О творчестве Ивана Сабило // Лит. Петербург. 2000. № 1. С. 4; *Муриков Г.* Лезвие стиля // Лит. Петербург. 2001. № 9. С. 3; *Яркова М.* О, слово русское, родное. СПб., 2002. Вып. 2. С. 22–27; *Дорогань О.* Уцелевшее зеркало поколения // День лит-ры. 2002. № 10. С. 3; *Кречетов В.* Верность прежним заветам [О творчестве Ивана Сабило] // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003. С. 41–44.

В. Д. Ивановский

СА́ВИН (Саволайнен) Иван Иванович [29.8 (10.9).1899, Одесса — 12.7.1927, Хельсинки] — поэт, прозаик, журналист.

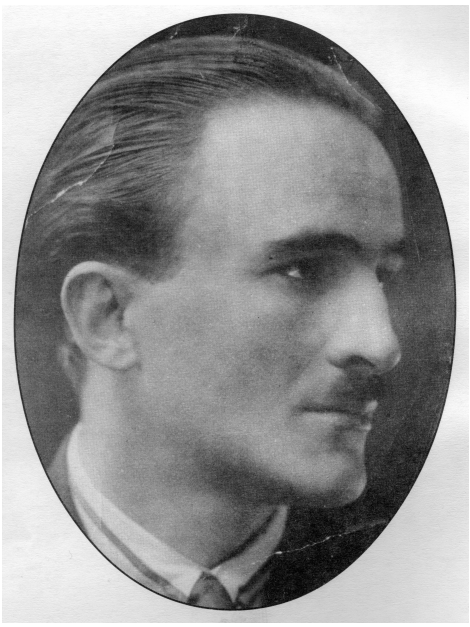
Родился в Одессе, детство и юность провел в г. Зенькове Полтавской губ. Внук финского моряка, встретившего в Одессе красавицу-гречанку. Отец поэта был нотариусом, в эмиграции работал журналистом. Мать происходила из старинного молдавского рода.

С. окончил гимназию, но дальше учиться не пришлось. «В университете не был — студенческий мундир на красной подкладке мне не к лицу. С осени 1919 по осень 1921 блуждал по Дону, Кубани и Крыму и увлекался спортом: первое время верховой ездой и метанием копья, затем — после поражения на Перекопской Олимпиаде, заставшего меня в госпитале — увлекательными прогулками по замерзшей грязи в костюме Адама и охотой за насекомыми в подвалах, особо и чрезвычайно для этого устроенных»,— писал он в шутливой автобиографии (Цит. по: Синкевич В.— С. 147).

Служил в 3-м сводном кавалерийском полку Добровольческой Армии. Раненный, остался в Джанкое и попал в плен. Издевательства, голод, пытки, расстрелы товарищей он впоследствии отразил в цикле очерков **«Плен»**, появлявшихся на страницах русской печати стран Балтии. Об этих годах в жизни поэта И. Бунин писал: «Ему не было еще и двадцати лет, когда он переживал начало революции, затем Гражданскую войну, бои с большевиками, плен у них после падения Крыма... Он испытал гибель почти всей своей семьи, ужасы отступлений, трагедию Новороссийска... После падения Крыма он остался больной тифом на запасных путях Джанкойского узла, попал в плен... Узнал глумления, издевательства, побои, голод, переходы снежной степи в рваной одежде, кочевания из ЧЕКИ в ЧЕКУ... Там погибли его братья Михаил и Павел» (Бунин И. Наш поэт // Возрождение. 1927. 4 авг.).

Стихи С., посвященные памяти братьев, стали одними из самых трагических в истории поэзии, посвященной Белой армии: «Ты кровь их соберешь по капле, мама, / И зарыдав у Богоматери в ногах, / Расскажешь, как зияла эта яма, / Сынами вырытая в проклятых песках. / Как пулемет на камне ждал угрюмо / И тот в бушлате звонко крикнул: „Что, начнем?“ / Как голый мальчик, чтоб уже не думать, / Над ямой стал и горло проколол гвоздем» (**Мой белый витязь...** С. 35).

Чудом уцелев, С. бежал и перебрался в Петроград. Там он и отец, пережив ледяную и голодную зиму, подтвердив в финском представительстве свое происхождение, перебрались в Хельсинки. Какое-то время С. ле-



И. И. Савин

чился, затем стал работать на заводе. Но вскоре его целиком и полностью захватила лит-ра.

С. печатал заметки, статьи и стихи в русских изданиях — «Сегодня», «Русские вести», «Руль», «Новое время». Писал фельетоны, воспоминания о пережитом, о первых концлагерях на Соловках, о встречах с Анной Вырубовой, которую разыскал на Валааме. В той части личного архива поэта, которая находится в РГАЛИ (Ф. 2276), хранятся программки любительских спектаклей и вечеров, подготовленных при участии поэта. Он организовал «Кружок молодежи», где проводил собрания, посвященные творчеству Есенина, Гумилева, Ахматовой.

В 1926 в издании Главного правления Общества галлиполийцев в Белграде увидела свет единственная прижизненная книга стихов поэта **«Ладонка»**. Поэт Ф. Касаткин-Ростовский писал в рецензии: «К стихам Ивана Савина надо подходить бережливо. Их нельзя оценивать только с точки зрения холодной критики. Их надо почувствовать как крик сердца. В небольшой книжке, в образных и красивых стихах вылилась душа одного из тех, кто добровольно пошел бороться с поработителями России... Книга Савина есть кредо добровольца» (Касаткин-Ростовский Ф. Стихи Ивана Савина // Возрождение. 1926. 25 авг.). «Ладонка» была гимном добровольчеству и пронзительным рассказом о трагедии поколения, раздавленного, как сказал впоследствии А. И. Солженицын, «красным колесом». «Кто украл мою молодость, даже / Не оставив следа у дверей? / Я рассказывал Богу о краже, / Я рассказывал людям о ней. / Я на паперти бился о камни. / Правды скоро не выскажет Бог. / А людская неправда дала мне / Перекопский полон да острог» (Мой белый витязь... С. 30). Поразительной силы были строки С. о его загубленных братьях. «Спи спокойно! В тоске без предела, / В полыхающей болью любви / Я несу твое детское тело, / Как Евангелие на крови» (Мой белый витязь... С. 33).

Все пережитое не могло не отразиться на здоровье поэта. Приступы депрессии следовали один за другим. Затем последовала неудачная операция аппендицита, и С. не стало. Его кончина вызвала эмоциональные отклики русских эмигрантов: «Как рано и прискорбно потеряли мы этого талантливого фино-руса, типического славочудина старой московской веры! — надмогильные вопли брата над зверски расстрелянными братьями, над оскорбленными и униженными сестрами? Да во всей русской поэзии нет более страшных, острее впивающихся в сердце стихов»,— писал А. Амфитеатров (Галлиполиец. 1927. Авг.). «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу и в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы — особенно» — так откликнулся на смерть поэта Иван Бунин (Возрождение. 1927. 4 авг.). «Стихи Савина — интимная исповедь, и этой исповеди нельзя не верить» — таково было мнение П. Пильского (Сегодня. 1927. 16 июля).

Однако стихи поэта оказались намного долговечнее его жизни. Строфы С. часто перепечатывали в военных и педагогических изданиях эмиграции, в 1947 в мюнхенском лагере перемещенных лиц «Ладонку» тиражом в 200 экземпляров переиздал Р. Полчанинов. В США к тому времени оказалась и вдова поэта, Л. В. Савина, урожденная Соловьева, прибавившая после второго брака фамилию Сулимовская. Она сохранила архив, и в 1958 в Нью-Йорке с ее предисл. вышел в свет новый сб. стихов С. с тем же названием **«Ладонка»**. В него вошло несколько десятков новых стих. «Эти стихи — торопливый рассказ, полный жутких подробностей, от которых можно захлебнуться слезами и почувствовать приближение обморока. Ритм этих стихов — ритм походки выведенных на расстрел, шатающихся от слабости и от непривычного, после тюрьмы, свежего воздуха. Ритмическая неровность некоторых строк, их отрывистость придает стихотворению взволнованность свидетельского показания. Иван Савин свидетельствует о своем страшном и героическом времени, и его поэзия — поэзия высоких обид и высокого гнева»,— отмечал И. Елагин (Новое русское слово. 1959. 15 февр.).

В 1988 в Нью-Йорке вышла новая книга С. **«Только одна жизнь»**. В нее вошли как все известные к тому времени стих., так и рассказы поэта о страшных днях в крымских застенках, объединенных названием «Плен». Предисл. написала Л. В. Савина-Сулимовская.

В книгу стихов и прозы С. «Мой белый витязь...» (1998) включены, кроме уже опубликованных, несколько неизвестных стих., в т. ч. и из архива С., переданного по воле вдовы поэта в архив-библиотеку Российского Фонда культуры и ныне находящегося в Доме-музее Марины Цветаевой.

Соч.: Ладонка. Белград, 1926; Ладонка. Нью-Йорк, 1958; Только одна жизнь: 1922–1927. Нью-Йорк, 1988; Мой белый витязь... М., 1998.

Лит.: Бунин И. Наш поэт // Возрождение. 1927. 4 авг.; *Бунин И.* Памяти Ивана Савина // Последние новости. 1932. 14 июля; *Айхенвальд Ю.* [Рец.: «Ладонка»] // Руль. 1926. 25 авг.; *Женук С.* К пятидесятилетию со дня смерти Ивана Савина // Новое русское слово. 1977. 13 июля; *Полчанинов Р.* Мечта о свободной России // Новое русское слово. 1987. 12 июля; *Синкевич В.* «Поэт белой мечты» // Записки Русской Академической группы в США. 1994. Т. 26; *Лупырев А.* Савин // Писатели Русского зарубежья: Лит. энциклопедия Русского зарубежья: 1918–1940. М., 1997; *Леонидов В.* [Предисл.] // Савин И. Мой белый витязь... М., 1998; *Каркконен Э.* У заветного предела: Творчество Ивана Савина // Рубеж. 1999. Янв.

В. В. Леонидов

СА́ВИНКОВ Борис Викторович (псевдонимы В. Ропшин, Канин) [19(31).1.1879, Харьков — 7.5.1925, Москва] — прозаик, поэт, мемуарист, журналист.

Родился в дворянской семье. Детство и юность провел в Варшаве, где отец, чиновник Министерства юстиции, занимал должность судьи. Мать Софья Александровна (сестра художника Н. А. Ярошенко) писала рассказы, драмы. Автор воспоминаний о сыне (Годы скорби // Былое. 1906. Вып. 7; То, что было. 1917). Учился в 1-й Варшавской гимназии. В 1897 поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та, откуда вскоре был отчислен за участие в студенческих беспорядках. Пытался продолжить образование в Берлинском и Гейдельбергском ун-тах. В мае 1901 был арестован в Петербурге по социал-демократическому делу и заключен на несколько месяцев в Петропавловскую крепость, где написал рассказ **«Теням умерших»** (1902; публ. без имени автора).

Б. В. Савинков

Зимой 1903 был сослан в Вологду, где познакомился с Н. А. Бердяевым, А. М. Ремизовым. К этому времени относятся первые пробы пера. Послал М. Горькому свои рассказы, но получил отрицательный отзыв. Ремизов вспоминал: «Весь день Савинков смотрел устюжской тучей — вот хлынет дождь» (Ремизов А. Иверень // Modern Russian Literature and Culture. Berkeley, 1986. Vol. 7. P. 213). В этом же году московская газ. «Курьер» опубликовала рассказы С., подписанные псевдонимом В. Канин.

В июне 1903, увлеченный идеей террора, С. бежал из ссылки за границу, в Женеву, где вступил в боевую организацию партии социалистов-революционеров (эсеров), готовящую политические убийства. В боевой организации занимал положение «генерала» террора. Любопытно, что, только что став членом боевой организации, С. написал рассказ **«В сумерках»** (Революционная Россия. 1903. № 35; подпись Б. с-т). Герой рассказа — революционер, убивший сыщика, испытывает чувство отвращения и к себе, и к революционному делу. Греховность любого убийства станет ведущей темой писателя. Лит. творчество окажется своеобразным вызовом писателя-нигилиста не только революции, но и себе, находящемуся в постоянной оппозиции к своему революционному воплощению.

Принимал участие в самых известных террористических актах эпохи: убийство министра внутренних дел В. К. Плеве (1904) и великого князя Сергея Александровича (1905); готовил покушения на императора, министра внутренних дел П. Н. Дурново, московского генерал-губернатора В. Ф. Дубасова и др. А. Куприн писал, что С. не мог жить «без хождения по ниточке между жизнью и смертью, без громадных чувств напряжения и победы» (Русская газ. Париж. 1924. 1 окт.). Начиная с 1905 выступал как эсеровский публицист. Итогом этих очерков явились **«Воспоминания террориста»**, написанные в Париже в 1908–09, но в полном объеме опубликованные уже после Февральской революции (Былое. 1917. № 1–3; 1918. № 1–3, 12). В них намечены сюжеты и образы, воплощенные позже в прозе. С. еще не